

18+

Диана Пыжикова

**Венеция:
стекло
и пепел**

Диана Пыжикова

Венеция: стекло и пепел

«Издательские решения»

Пыжикова Д.

Венеция: стекло и пепел / Д. Пыжикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695383-3

Марко Альбрицци, потомственный реставратор с «абсолютным тактильным слухом», ведет тихую жизнь в своей мастерской в Каннареджо, пока на его верстаке не оказываются черные цимбалы работы мастера Баровье. Внутри инструмента спрятан Резонатор — уникальный механизм из муранского стекла и ртути, который веками записывал не ноты, а «колебания совести». Это история о том, что правда может звучать невыносимо больно, а спасение города иногда кроется не в памяти, а в праве на забвение.

ISBN 978-5-00-695383-3

© Пыжикова Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Симпатический резонанс	6
Глава 2. Лицо без тени	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Венеция: стекло и пепел

Диана Пыжикова

© Диана Пыжикова, 2026

ISBN 978-5-0069-5383-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Симпатический резонанс

Июльское солнце выжигало Венецию с яростью инквизитора. Воздух над Гранд-каналом загустил, превратившись в дрожащее марево, в котором очертания палатки плыли, точно в раскаленной печи. Водная гладь, обычно суетливая, притихла, превратившись в зеркало из расплавленного свинца.

В мастерской Марко время тесно сгущалось. Здесь пахло сухой елью, терпким канадским бальзамом и старым спиртовым лаком – ароматом настолько плотным, что его, казалось, можно было потрогать. Марко работал в тишине, которую нарушал лишь вкрадчивый шелест цикли. Он чувствовал напряжение еловых волокон так же ясно, как пульс в собственном запястье.

Тишину разорвал скрип дверных петель – болезненный и резкий. В дверях возникли двое носильщиков в пропотевших тельняшках. Они кряхтя внесли тяжелый предмет, завернутый в грубую, пахнущую рыбой мешковину. Когда его опустили на низкие резные ножки, старый пол отозвался стоном, а банки на полках едва слышно звякнули.

Следом вошел музыкант. Марко на мгновение показалось, что из знойного марева улицы вычленили плотный сгусток тени. Сухой старик с лицом, изрезанным морщинами, как топографическая карта затопленного города, кутался в шерстяной пиджак. Это казалось безумием в тридцатиградусную жару, но от его фигуры веяло холодом склепа.

– Она начала захлебываться, – сказал он вместо приветствия. Голос был ломким, как треск старой канифоли.

Старик не представился. Резким движением он сорвал ткань. Мешковина опала тяжелыми складками, подняв облако пыли. Перед Марко стояли огромные цимбалы. Сотни струн над почерневшим деревом блеснули в косом луче света, точно обнаженные нервы города. Изящная инкрустация по краям деки казалась здесь лишней, почти кощунственной.

Но внимание мастера привлек не декор. Когда носильщики уходили, их тяжелые шаги отозвались внутри инструмента не звоном, а глухим, стеклянным стоном. Звук был неестественно тягучим, будто в дереве ворочалось что-то живое и ледяное.

– Это цимбалы работы мастерской Фонтана, вторая половина восемнадцатого века, – Марко провел ладонью над струнами. Кожа на его пальцах заколола: от металла исходил ошутимый мороз. – Но корпус... он слишком глубокий. Инструмент тяжелее, чем должен быть, минимум на пять фунтов. Что вы спрятали внутри, синьор?

Марко наклонился ниже, взглядываясь в темные прорези эф. Ему показалось, что из глубины корпуса на него пахло не пылью веков, а сырым озоном, который бывает в лагуне перед самой страшной бурей.

– Я ничего не прятал, – прошептал старик, и его глаза, желтые, как старая партитура, впелись в лицо мастера. – Я лишь храню то, что не дает этому городу окончательно уйти под воду. Но теперь стекло внутри начало кричать. Вы слышите, Марко? Оно помнит тех, кого мы забыли.

Старик подался вперед, и его длинная, изломанная тень накрыла верстак, стирая золотистые блики на свежей стружке.

– Тот, кто заказал их триста лет назад, встроил под деку стеклянный резонатор. Мастер Баровье называл это «уловителем эха».

Музыкант произнес имя легендарного стеклодува так, будто это было заклинание. Марко почувствовал, как по коже пробежал сквозняк, хотя окна были плотно закрыты.

– Когда по струнам бьют молоточки, стекло внутри начинает вибрировать. Оно ловит голоса Венеции, Марко. Каждую сплетню на Риальто, каждое проклятие, брошенное вслед гондолье. Но сегодня утром... – Баттиста запнулся, кадык судорожно дернулся под воротником. – Сегодня оно поймало то, что должно было остаться на дне канала.

Старик медленно, словно боясь спугнуть притаившегося зверя, извлек из кармана молоток, обтянутый потертой замшей. Короткое, почти незаметное движение – легкое касание крайней струны, натянутой до предела.

Инструмент не просто ответил – он вдохнул. Из недр тяжелого корпуса, сквозь слои лака и старой древесины, вырвался чистый, ледяной звук. В нем не было музыки, только пугающая отчетливость. Марко замер: он услышал тяжелый, жирный всплеск весла о стоячую воду и обрывок фразы на латыни – низкий, булькающий голос, произнесший слова отпущения грехов.

Звук не затухал. Он набирал объем, становясь густым и осязаемым. Вибрация пошла по полу, ударила в ножки верстака; Марко видел, как в банках с лаком задрожали концентрические круги, а заготовки для скрипок на полках начали едва слышно подпевать этому потустороннему эху. Воздух в мастерской стал вязким, точно застывающая смола.

Марко, не в силах сопротивляться инстинкту реставратора, опустился на колени прямо в древесную пыль. Он схватил масляную лампу – её пламя испуганно метнулось в сторону, когда он поднес огонь к узкой, почти незаметной щели в боковой панели цимбал.

В пыльном, пахнущем вековой неподвижностью полумраке корпуса он увидел его. Стекланный цилиндр.

Это было не просто муранское стекло. Оно казалось текучим, словно живая ртуть. Внутри цилиндра вращалось серое марево, а на внешних стенках, тонких, как крыло стрекозы, были вытравлены тысячи крошечных имен. Серебряные насечки вспыхивали в свете лампы, точно мириады игл. Марко прищурился, разбирая каллиграфическую вязь.

«Гримани», «Фоскари», «Лоредан»... Великие фамилии дождей, за которыми тянулся шлейф крови и золота. Но в самом углу, там, где стекло казалось еще влажным, светилось имя, от которого у Марко перехватило дыхание. Это был человек, которого вчера выловили из канала у моста Вздохов.

– Баттиста, этот механизм... он не ловит эхо. Он ловит признания, – Марко медленно выпрямился, чувствуя, как затекшая спина отзывается сухим хрустом. Он машинально вытер испачканные в масле пальцы о фартук, не сводя взгляда с темного нутра цимбал. – На самой кромке – микроскопические борозды, нанесенные с пугающей точностью. Это похоже на фонограф, Баттиста, но созданный за сто лет до Эдисона.

Старик кивнул. В густом, пахнущем пылью полумраке его глаза отозвались холодным, маслянистым блеском, точно два заброшенных канала, в которых веками не отражалось солнце.

– Стекланный резонатор Баровье, – голос Баттисты стал тише, переходя в шелест, от которого по затылку Марко пробежал ледяной ток. – Он ловит не ноты, Марко. Он ловит колебания совести. В этой лагуне веками топили людей в мешках, шептали приказы об отравлениях и предавали друзей ради места в Совете десяти. Вода – это огромный резонатор. Она хранит эхо каждого всплеска, а это стекло... оно вытягивает правду из глубин, как магнит – железные опилки.

Баттиста придвинулся к цимбалам. Его узловатая ладонь легла на струны, разом обрывая их тревожное дребезжание. Тишина, наступившая в мастерской, стала физически тяжелой, как толща воды над головой ныряльщика.

– Я последний, кто умеет его слушать, не теряя рассудка, – старик тяжело вздохнул, и Марко увидел, как дрожат его пальцы. – Но мой слух уходит, Марко. Годы превращают музыку в шум. А инструмент... он переполнен. Ему больше некуда принимать чужую боль. Сегодня на рассвете, когда над лагуной еще висел серый туман, а город цепенел в предрассветном сне, цимбалы ожили сами собой. Они начали играть «Lachrimae» Дауленда – медленно, тягуче, будто само дерево плакало. А потом... изнутри донесся голос. Хриплый, захлебывающийся голос человека, который пропал на прошлой неделе в Гетто.

Марко замер. Воздух в мастерской вдруг стал ледяным, несмотря на июльский зной. Джулио. Пропавший антиквар был его единственным другом – человеком, с которым он делил бутылку дешевого вина и мечты о большой музыке под сводами Сан-Марко.

– Вы хотите сказать, – голос Марко сорвался на хрип, – что это проклятое стекло... записало его последние секунды? Записало его смерть?

– Оно записало имя убийцы. – Баттиста протянул Марко тонкий молоточек, обтянутый потертой замшей. Деревянная рукоять в пальцах старика казалась хирургическим скальпелем. – Но звук заперт под слоем столетней ели. Чтобы услышать его, нужно вскрыть деку. Отделить её так осторожно, чтобы не повредить ни единой серебряной нити на стекле. Если я сделаю это сам, Марко, я сойду с ума. Мне нужны руки мастера, который не боится правды. Руки, привыкшие касаться дерева, а не призраков.

Марко посмотрел на цимбалы. Триста струн, натянутых, как оголенные нервы, скрывали под собой триста лет венецианских грехов. Он чувствовал, как от инструмента исходит едва заметная вибрация – гул крови, застывшей в стекле.

Марко посмотрел на распластанный перед ним инструмент. Струны, натянутые с математической жестокостью, дрожали от каждого его вдоха. Они казались оголенными нервами города, триста лет впитывавшими крики и шепот заговорщиков. Жара в мастерской стала вязкой, как нечесаная шерсть; она давила на затылок, выжимая пот, но Марко пробил ледяной озноб. Пальцы, привыкшие к податливому дереву, одеревенели. Он медленно взял палисандровый клин – старый инструмент для вскрытия дек, помнивший еще руки его деда.

Когда панель из резонансной ели с сухим, костяным хрустом поддалась, Марко замер. Он не решался коснуться стеклянного цилиндра, который покоился в чреве цимбал, точно зародыш в утробе. Лампа в руках Баттисты дрожала, и тени от струн металась по стенам, превращая мастерскую в огромную клетку, прутья которой сжимались с каждым ударом сердца.

– Лодовико Манин... – выдохнул Марко. Голос казался чужим, плоским в этой звенящей тишине. Он всматривался в волосяную гравировку на стекле. – Последний дож. Тот самый, что снял корно и сдал Венецию Наполеону без единого выстрела. Вы хотите сказать, что этот резонатор слышал его отречение? Впитал звук падения целой республики?

– Он слышал его позор, Марко, – Баттиста подался вперед, и его лицо в колеблющемся свете лампы стало похоже на посмертную маску. – Стекло не забывает унижения. Но посмотри ниже. Видишь эту свежую борозду? Она еще не затянулась пылью.

Марко прищурился, почти касаясь носом холодного цилиндра. Прямо под историческим именем, там, где поверхность казалась странно влажной, точно от невидимых слез, была выцарапана рваная надпись: «Джулио Вениер. 21 июля».

– Мой сосед... – Марко почувствовал, как дыхание перехватывает тугой узел страха. – Его ищут пять дней. Полиция перевернула Гетто. Говорят, он сбежал во Флоренцию, прихватив кассу антикварной лавки...

– Полиция врет или слишком боится правды, – Баттиста резко выдохнул, и от его горячего дыхания стекло мгновенно запотело, скрыв страшные имена матовым саваном. – Резонатор не умеет ошибаться, Марко. Он – единственный свидетель в этом гнилом городе, который не обучен лгать за золото. Он не слушает слова. Он слушает то, как рвется воздух в легких.

Снаружи, со стороны канала, ворвался резкий, ритмичный всплеск. Это не был ленивый гребок гондольера. Кто-то гнал тяжелую лодку яростно, вбивая весло в застоявшуюся воду с частотой пульса испуганного зверя.

Марко и Баттиста замерли, боясь моргнуть. В тесной мастерской воцарилась такая пронзительная тишина, что стало слышно, как тонкая струна «ля» на цимбалах начала едва уловимо гудеть, резонируя с приближающимся плеском. Город подавал знак.

– Гаси свет, – скомандовал старик, и его голос сорвался на свистящий шепот.

Марко дунул на фитиль. Мастерская мгновенно утонула в густых, чернильно-синих сумерках, прошитых лишь слабыми отблесками луны. Пригнувшись, Марко прильнул к узкому окну на уровне мостовой. Он увидел, как к скользкому причалу, обросшему черными водорослями, притерся смоляной борт гондолы. Из неё медленно, с неестественной грацией, вышел человек. Несмотря на июльское пекло, он был закутан в тяжелый плащ, а его лицо скрывала маска Баута – мертвенно-белый фарфоровый лик, лишаящий человека возраста, эмоций и самой души.

Человек не стал стучать. Он не коснулся дверного кольца, а просто прислонился спиной к дубовой двери. Почувствовав её вибрацию, он запел – тихо, вполголоса. Это была старая «Виланелла», песня лодочников, но её мотив казался вывернутым наизнанку, искаженным фальшивыми обертонами. От этого пения у Марко свело челюсти, а механизм внутри скрытого инструмента ответил зловещим шорохом.

Внутри **опустошенных** цимбал стеклянный резонатор отозвался первым. Он вздрогнул, словно живое существо под ударом тока, и начал медленно, с тягучим маслянистым усилием вращаться на своих серебряных осях. Тишину мастерской разрезал тонкий, невыносимый ультразвук – так кричит металл под сверлом или лед под каблуком. Этот звук не просто слышался, он ощущался на зубах кислым привкусом меди. Имена, вытравленные на поверхности цилиндра, внезапно налились мертвенным, фосфоресцирующим светом, проступая сквозь пыль веков ядовитой бирюзой. Гравировка «Джулио Вениер» пульсировала в такт песне за дверью, выплескивая в сумрак мастерской холодное сияние.

– Они пришли не за мной, – прошептал Баттиста. Его голос был едва слышным шелестом, тонушим в нарастающем свисте прибора.

Старик начал медленно отступать вглубь помещения, туда, где за штабелями подсохшего клена открывался лаз во внутренний дворик-колодец. В синем полумраке его лицо казалось высеченным из серого известняка, а глаза превратились в две бездонные воронки, поглощавшие свечение резонатора.

– Они пришли за эхом, Марко. Им не нужны наши жизни – им нужна тишина, которую это стекло посмело нарушить. В Венеции правда стоит дороже золота, но только пока она заперта на дне лагуны.

В этот миг массивная дубовая дверь, державшаяся на кованых петлях еще со времен дождей, надрывно скрипнула. Это не был стук – лишь неумолимый напор чужого плеча, уверенного в своей безнаказанности. Марко увидел, как дерево выгнулось внутрь, как посыпалась труха из старых пазов, а щель между дверью и косяком на мгновение впустила полоску уличного света и сквозняк, пахнувший гнилыми водорослями и тяжелым ладаном.

Песня за дверью оборвалась на самой высокой, неестественной ноте. Резонатор внутри цимбал завращался с такой бешеной скоростью, что превратился в размытый светящийся вихрь. По всей мастерской, от пола до балок потолка, прошел низкий, утробный гул – от него заготовки скрипок на полках задрожали, точно испуганные птицы в клетках.

Дверь подалась еще на ладонь. В образовавшуюся черноту просунулся кончик длинного черного багра. Марко почувствовал, как воздух в комнате стал невыносимо густым – казалось, мастерская медленно погружается на дно лагуны.

Глава 2. Лицо без тени

Марко чувствовал, как пульс бешено колотит в кончики пальцев, отдаваясь в подушечках тупой, распирающей болью. Мастерская, еще час назад бывшая его крепостью, сжалась до размеров тесного гроба. Воздух стал слишком густым для дыхания. Он мельком глянул на Баттисту: старик буквально **врос** в угол между верстаком и штабелем клена. Мастер судорожно, до белизны в костяшках, прижимал к груди пустой кожаный футляр, словно щит. В сизом полумраке его глаза казались застывшими осколками обсидиана, в которых отражался ледяной ужас.

– Не надо, Марко... – голос Баттисты сорвался на свистящий выдох, в котором слышался предсмертный хруст канифоли. – Ты слышишь? Это не песня. Он вытягивает из воздуха жизнь. Так пели «черные гондольеры», когда везли осужденных по каналу к подземельям Пьомби. Это ритм того, кто уже не надеется увидеть рассвет.

Марко не ответил. Язык прилип к небу, став сухим и шершавым, как наждачная бумага. Он сделал шаг, затем другой, огибая массивное чрево цимбал, которое теперь выпускало едва уловимое, тошнотворное тепло. Ладонь легла на тяжелый латунный засов. Металл, впитавший в себя ярость июльского дня, всё еще оставался обжигающе горячим; он словно пытался предупредить, оттолкнуть, но пальцы Марко сжались на рукояти. Он понимал: время мягких теней закончилось. Если не рвануть засов сейчас, человек за дверью просто перешагнет через порог. Или, что еще страшнее, пустит в мастерскую огонь – и тогда старое дерево, лаки и это проклятое стекло станут их общим погребальным костром.

Резкий рывок. Старые петли, несмазанные и изъеденные солью, издали такой пронзительный скрежет, что резонатор внутри цимбал отозвался коротким стеклянным стоном.

В распахнутом проеме на фоне догорающего багрового заката, окрасившего воды Большого канала в цвет свежeproлитой крови, застыл высокий, неестественно прямой силуэт. Незнакомец казался плоской фигурой, вырезанной из обугленной бумаги и наложенной на пылающий горизонт. Его тяжелый черный плащ оставался неподвижным, несмотря на вечерний бриз, тянущий с лагуны.

Но страшнее всего было лицо. Белый фарфор маски «Баута» мертвенно белел в последних отсветах дня. Эта каноническая форма с хищно выдвинутой вперед челюстью – созданная когда-то, чтобы заговорщики могли есть и говорить, не снимая личины, – в сумерках выглядела как морда доисторического насекомого. В прорезях для глаз зияла абсолютная, непроницаемая чернота. Маска не просто скрывала человека – она стирала его, оставляя вместо личности лишь холодную, безупречную волю города, который не умеет прощать.

Фарфор поймал последний луч заходящего солнца, и на мгновение Марко показалось, что маска оскалилась в беззвучном приветствии.

– Мастерская закрыта, – голос Марко прозвучал неожиданно твердо, точно удар молотка по наковальне, хотя внутри у него всё дрожало от озноба. – Сиеста сегодня затянулась. Приходите завтра, когда солнце перестанет плавить камни.

Незнакомец молчал, и тишина, рухнувшая на порог, показалась Марко тяжелой и вязкой, как застоявшаяся вода в тупиковом канале. В ней не было покоя – только давящее ожидание, от которого закладывало уши.

– Вы скверно настроили инструмент, мастер, – наконец произнес человек.

Голос был молодым, неестественно ровным, лишенным живой интонации, с едва уловимым сухим акцентом материковой Италии – так говорят в кабинетах Милана или Турина. – Ваши цимбалы дают ложный тон. И этот звук... он болезненный. Я слышу их лихорадочный гул даже у моста Академии. Они не просто звучат, Марко. Они – жалуются. Вам не кажется, что это дурной тон для реставратора вашего уровня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.